УДК 316.322

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ

Грицков Юрий Викторович,
Сибирский федеральный университет,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук, профессор,
город Красноярск, Россия.
E-mail: grickov50@mail.ru

Львов Денис Владимирович,
Сибирский федеральный университет,
доцент кафедры социологии,
кандидат философских наук, доцент,
город Красноярск, Россия.
E-mail: devlal@mail.ru

Аннотация
С позиций архетипического подхода обсуждается феномен власти. Показаны взаимосвязи символического описания власти с ее архетипическими основаниями. Рассматриваются механизмы легитимации власти с опорой на архетипы иерархии и корпоративности.

Ключевые понятия:
архетип,
власть,
легитимность,
иерархия,
корпоративность.

Легитимация есть важнейший фактор обеспечения жизнеспособности власти. Очевидно, первой исторической формой легитимации власти явилась её *сакрализация*: носители власти мыслились не столько субъектами собственной власти, сколько избранниками и проводниками высших сил, обитающих в трансцендентном мире. При этом они признавались обладателями мистической способности обеспечивать содействие этих высших сил в достижении жизненно важных для общества целей.

Принято считать, что механизмы сакрализации коренятся в коллективном бессознательном. Как мы показали в работе [5], концепция архетипов как базовых схем коллективного бессознательного, структурирующих восприятие индивидом феноменов социальной реальности и содержащих образцы реагирования на типические социальные ситуации, позволяет создавать теоретические модели, обладающие значительной объяснительной силой и эвристическим потенциалом.

Согласно К.-Г. Юнгу, столкновение с архетипом является потенциально опасным для психики индивида *нуминозным опытом переживания трансцендентного*. Поэтому сигналы коллективного бессознательного не попадают в сознание индивида напрямую, а опосредуются «буфером» архетипических символов и образов, формирующихся в процессе прохождения через архетипические схемы восприятия поступающей из социальной реальности информации. В результате, переживание опыта нуминозной встречи «эго» с архетипом оказывается максимально интенсивным. Тем самым вполне осознаваемому восприятию придается глубинный смысл, корнями уходящий на архетипический уровень, но явленный на уровне символическом. Такое одновременное когнитивно-эмоциональное воздействие с необходимостью определяет последующее поведение человека.

Допущение о существовании архетипических оснований феномена власти влечёт за собой признание того, что механизм её легитимации также уходит своими корнями в коллективное бессознательное. Действительно, любая власть рано или поздно сталкивается с ситуацией, аналогичной описанной К. Гёделем в его знаменитой теореме о неполноте: она совершает действия, правомочность которых не может быть ни доказана, ни опровергнута в рамках рационального дискурса. И даже шире – *в рамках исключительно сознательного опыта.* В этом случае функцию легитимации власти и существующего социального порядка как раз и выполняют находящиеся в сфере иррационального архетипы.

Власть, как возможность и способность целенаправленно изменять поведение дру-

гих, может быть реализована различными путями. Известный принцип кнута и пряника – лишь одна из наиболее простых технологий осуществления власти. Уже в этом принципе не просто эксплицируются возможности принудительной или поощрительной мотивации, но предполагается их диалектическая взаимообусловленность, так как не только подвластный зависим от властвующего, но в определенном смысле и наоборот. Властвующий может добиться от подвластного необходимых действий лишь в случае *согласия подвластного на подчинение,* в противном случае подвластный вынужден восстать, то есть попытаться разрушить (переформатировать) существующую власть. Как замечает Ф. Фукуяма, легитимность важна даже для самой несправедливой и кровавой диктатуры: ни один диктатор не может править с опорой только лишь на собственную силу принуждения, в его легитимности должны быть уверены, как минимум, те подчиненные, которые и составляют аппарат принуждения [4, с. 15–16].

Таким образом, легитимность осуществления власти в той или иной ситуации подразумевает некоторый минимум взаимного согласия властвующей и подвластной сторон. Взаимность же предполагает наличие обязательств у обеих сторон. даже если это не закреплено в официальных документах. Базовое обязательство властвующего – использование предоставляемого подвластным ресурса в целях сохранения и преуспевания корпорации. Базовое обязательство подвластного – предоставлять властвующему имеющийся у него ресурс (опять же ради блага корпорации). Как в любом симбиозе, согласованное выполнение обязательств призвано обеспечить улучшение условий существования всех участников. Такие канонические отношения между подчиняющими и подчиненными задаются архетипом иерархии [3, с. 87–98]. Если же властвующий не выполняет этой основной функции, нарушая тем самым «режим легитимности», то подвластные чувствуют себя «в полном праве» – пусть не по букве закона, но по духу справедливости – освободить себя от обязательства добросовестно подчиняться власти. Это может быть и мелкое уклонение от исполнения административных предписаний, и поиск лазеек для неисполнения законов, и открытое неповиновение, даже восстание. Собственно, все «оправдания» выступлений против власти основаны как раз на том постулате, что власть не должна использоваться против базовых (идентификационных) для группы интересов и ценностей.

Работа архетипа иерархии способствует установлению социального порядка, в рамках которого создается более или менее открыто выраженная, понимаемая и принимаемая всеми участниками матрица позиционных взаимодействий, где каждая социальная позиция предъявляет ряд требований и предписаний к тому, кто ее занимает. Основным предписанием по отношению к любому члену корпорации является подчинение существующему социальному порядку, невыполнение этого требования приводит к его отторжению корпорацией. На этом и зиждется негласная конституция любого общества. При этом конкретное символическое наполнение архетипической схемы может радикально различаться от общности к общности: по ядерным ценностям, по декларируемым целям, по механизмам подчинения и т.д.

Важно, что одновременно с программой архетипа иерархии актуализируется программа *архетипа корпоративности,* в ходе развертывания которой формируется система представлений, мифов, норм, «уравнивающая» всех членов корпорации по отношению к базовым ценностям и целям. Члены корпорации воспринимают друг друга как равных между собой в том смысле, что «все делают общее дело». Убеждённость в таком равенстве позволяет членам мы-сообщества идентифицировать себя с ним. Здесь возникает противоречие: архетип корпоративности выстраивает восприятие всех членов корпоративного сообщества как *равных* по отношению к базовым ценностям и целям, а архетип иерархии, напротив, конституирует неизбежность *неравенства* и принятых на его основе порядков. Снятие данного противоречия становится возможным, если властвующий будет идентифицирован как «свой», действующий в общих интересах. Тем самым, неравенство, конституируемое архетипом иерархии, и равенство, конституируемое архетипом корпоративности, предполагая друг друга, образуют диалектическое единство. Как нам представляется, именно необходимость «равенства в неравенстве» порождает устойчивые коннотации, связывающие образ властителя с образом отца (матери) своего народа (вспомнить хотя бы выражение «царь-батюшка»).

Формирование мы-сообщества (Мы-Самости) предполагает его противопоставленность всем прочим сообществам. В этом контексте становится понятной фундаментальная связь феномена власти с феноменом корпоративной морали с её двойными стандартами: корпоративная общность более склонна «патриотично» обелять свою власть и очернять чужую.

«Мы-Самость», объединяющая властвующих и подвластных, конституируется формирующимися в рамках архетипа корпоративности ядерными ценностями и складывающимся вокруг них идентифика-

ционным кодом. Взаимодействие архетипов корпоративности и иерархии обеспечивает выработку и поддержку «традиционных ценностей» и реализующих эти ценности норм и отношений. При этом архетипическая программа корпоративности задает ценностно-целевой вектор, а архетип иерархии в большей степени актуализирует выработку одного из ключевых механизмов по реализации ценностей и достижению целей, а именно: социального порядка как условия функционирования общности.

Архетип корпоративности ориентирует мы-сообщество на достижение общих целей. В рамках данного архетипа властвующие суть «слуги народа» – защитники ценностей и водители, отвечающие перед высшими силами за доставку мы-группы в пункт назначения. Властвующий, действительно осознающий себя избранным богом слугой народа и поступающий соответствующим образом, на самом деле может считаться слугой коллективного бессознательного. Как здесь не вспомнить метафору Э. Дюркгейма о боге как маске общества? (по Дюркгейму, поклоняясь богу, мы на самом деле поклоняемся обществу, а сакрализуя власть, мы в действительности сакрализуем её главную социальную функцию).

Пребывающий в мало предсказуемом и плохо управляемом хаосе социальной реальности homo sapiens стремится нащупать устойчивые связи, выработать предсказательные модели, опираясь на которые возможно двигаться к тем или иным целям. Архетип иерархии как раз и выполняет функцию упорядочивания, побуждая весь окружающий мир представить как целостную иерархическую систему. Он же побуждает мы-группу расставить приоритеты в отношениях с другими группами, исходя из их статуса в социуме. Таким образом, архетипические программы иерархии и корпоративности конституируют функционирование власти как гаранта и органа упорядочивания социума.

Как мы отметили ранее, складывающийся в процессе работы архетипа иерархии порядок нуждается в оправдании. Только при наличии «рационального объяснения», почему эти взаимоотношения должны быть устроены именно таким неравноправным образом, возможно принятие власти как составной части социального порядка. Такое оправдание осуществляется в пространстве *идеологического нарратива* как места конституирования легитимирующих этот порядок метасмыслов. Система метасмыслов в идеологическом нарративе выполняет функцию легитимации внутрикорпоративного иерархического порядка *извне*, со стороны «всеобъемлющей картины мира».

Идеологическая картина мира представляет собой *систему архетипических образов и символов,* легитимирующую не только status quo существующего социального порядка, но и миропорядок космический.

Одним из главных требований к конституируемой нарративом системе значимых признаков миропорядка является комплементарность этой системы признаков по отношению к ценностному ядру корпоративной общности – системе значимых для корпорации идентификационных и иерархических маркеров.

Таким образом, архетипические программы корпоративности и иерархии обеспечивают укрепление единства и идентичности социокультурной общности, формируя *идеологическую картину мира,* легитимирующую социальный порядок как с точки зрения «естественного чувства справедливости», так и «с точки зрения мирового целого».

Коль скоро воздействие архетипических программ всегда опосредовано культурно-символическим наполнением, манифестации архетипов корпоративности и иерархии могут проявляться в самых разных предписаниях и табу, накладывающих обязательства как на подвластных, так и на властвующих. В этом отношении особенно интересны так называемые ритуалы перехода, в восприятие которых нуминозное чувство столкновения с архетипическим привносит элементы мистики. Вот трактовка соответствующих обрядов, произведенная Арнольдом ван Геннепом: «Хотя само общество сукве носит лишь социальный и экономический характер, магически-религиозная природа его проявляется в том, что степень богатства, определяющая переход с одной ступени на другую (на о-вах Банкс их бывает 18), зависит от маны человека. Следовательно, чем выше становился ранг человека в этом обществе, тем более сильная мана ему приписывалась. Каждая ступень сукве имеет свою ману большей или меньшей силы так же, как у братств американских индейцев есть аналогичные понятия маниту, оренда, ноаль и др.» [2, с. 81].

Архетипические образы и символы, накладывающие мистические ограничения на власть, просматриваются также в запрете проводить заседание сената за пределами города Рима. Заседание вне территории Рима считалось незаконным, а его решения не имеющими юридической силы, хотя, казалось бы, ничто не мешало сенаторам собраться и за римскими стенами, особенно в те годы, когда вся Италия уже была покорена. Однако мы-идентичность на уровне коллективного бессознательного тесно связана с определенной территорией, в случае древнеримского государства – непосредственно с древней столицей. Заме-

тим, что высочайший юридический статус римлянина весьма долго сохранялся после присоединения иных территорий к империи не только в силу нежелания наделять новых людей всеми правами и привилегиями, связанными с римским гражданством, но и в силу имманентной консервативности архетипа корпоративности, весьма осторожно расширяющего круг мы-идентичности. Ведь признание кого-либо «своим» в рамках мы-идентичности означает признание бывшего «чужого» таким-же-как-я. А этот процесс естественно наталкивается на имманентное неприятие всех «чужих».

Разнонаправленность архетипических программ корпоративности и иерархии, заключающаяся в том, что первая конституирует смыслы, уравнивающие всех членов мы-сообщества, а вторая, напротив, конституирует смыслы, легитимирующие их неравенство, создаёт условия для их разбалансировки, что чревато ослаблением внутрикорпоративного единства. Преобладание программ архетипа корпоративности оборачивается деструктивными для мы-сообщества центробежными процессами, а доминирование программ архетипа иерархии оборачивается перекосом в сторону «центростремительного» авторитаризма с присущими ему тиранией, произволом, злоупотреблениями вышестоящих и т.п. Первая устремляет мы-сообщество к чрезмерному равенству, вторая – к диктатуре. Так, в знаменитом лозунге Великой французской революции «Liberté! Egalité! Fraternité!», очевиден перебор влияния архетипа корпоративности в ущерб архетипу иерархии, ведь абсолютное равенство фундаментально невозможно. Ярким примером перекоса в сторону архетипа иерархии является приписываемое Людовику четырнадцатому изречение «Государство – это я».

В качестве модели разрешения столкновения двух архетипов может быть рассмотрен веберовский идеальный тип бюрократии, в котором рациональность достигает своих вершин, прописывая в четких инструкциях все возможные виды взаимодействий между социальными ролями. Но, безусловно, идеи противоборства любым формам непотизма и кумовства имеют намного более давнюю историю. Как отмечают Д. Брестед и Б. Тураев, еще в Древнем Египте фараон давал следующее наставлению своему важнейшему министру, призывая того быть справедливым и апеллируя при этом к божественному порядку: «Это отвращение для бога – выказывать пристрастие. Таково наставление: ты будешь поступать одинаково, будешь смотреть на того, кто известен тебе так же, как и на того, кто тебе неизвестен, и на того, кто близок... так же, как и на того, кто далек... Подобный чиновник будет весьма процветать на своем месте... Не распаляйся гневом против человека несправедливо... Но внушай к себе страх, пусть тебя боятся, ибо только тот князь есть князь, которого боятся» [1, с. 236–237].

Итак, мы пришли к следующим выводам.

1. Архетипы корпоративности и иерархии, актуализирующиеся в ситуации «Я и сообщество», выступают важнейшими факторами формирования социального порядка.

В рамках архетипической программы корпоративности формируется Самость социокультурной общности, перед которой равны все, в том числе и властвующие индивиды, поскольку все они в равной мере ассоциируются с этой Самостью, идентифицируются как такие-же-как-все в этой социокультурной общности. С этой позиции начинает восприниматься и весь окружающий мир.

Архетип иерархии предписывает властвующему последовательно исполнять свою роль, основная функция которой заключается в соблюдении интересов группы и охране ее идентичности. В качестве важнейшего механизма реализации этой функции выступает обеспечение надлежащих порядков, центральным из которых для архетипической программы иерархии является порядок подчинения и исполнения. Архетипическая программа иерархии требует от человека в каждом конкретном случае действовать, сообразуясь именно с требованиями, предъявляемыми к его социальной позиции, а отнюдь не в духе братской любви, продиктованном архетипом корпоративности, и уж тем более не исходя из каких-либо личных пристрастий. Это фундаментальное противоречие двух архетипов постоянно воспроизводится в культуре уже на осознаваемом символическом уровне, порождая внутрикорпоративные и межкорпоративные конфликты.

2. Заданная от рождения вариативность способностей и склонностей у каждого человека служит предпосылкой для выстраивания системы взаимодополняющих друг друга социальных позиций, которые с необходимостью должны быть упорядочены. В том числе и в смысле налагания на каждую позицию тех или иных требований, обязательств и прав. Только достаточно сложные, многоуровневые системы имеют потенциал выживать в непредсказуемых условиях нестабильного мира.

3. Достижение внутрикорпоративного единства возможно лишь при условии формирования внутрикорпоративной культуры как системы норм и ценностей, ограничивающей «сферы полномочности» обоих архетипов, и тем самым уравновешивающей их работу в интересах корпоративного целого.

4. Идентичность как отождествление «Я» с «Мы» – фундаментальное условие для ле-

гитимации власти на основе общекорпоративных интересов: если «мы» перестает существовать, власть не может восприниматься как легитимная.

5. Диалектическое взаимодействие архетипических программ иерархии и корпоративности конституирует «матрицу» легитимации власти как системы «господство-подчинение», формирующейся и функционирующей в интересах Мы-Самости. При этом структурное неравенство индивидов компенсируется переживанием единства/равенства в рамках корпоративного целого.

6. Укорененность власти в коллективном бессознательном на символическом уровне может манифестироваться как легитимность, заданная из области трансцендентного. Например, как власть и порядок, ниспосланные богом. Благодаря этому уже сама позиция властвующего, вне зависимости от занимающей ее личности, обладает известной харизмой.

7. На поверхностно-символическом уровне всякая власть вынуждена каждый раз заново изобретать идеологическое самооправдание. Но в контексте изложенного любая идеология может рассматриваться как лишь культурно-специфическое наполнение инвариантных схем, задаваемых архетипами корпоративности и иерархии.

1. Брестед, Д. История Древнего Египта. [Текст] / Д. Брестед, Б. Тураев. М.: Харвест, 2003. 832 с.

2. Геннеп, ван А. Обряды, переходы. Систематическое изучение обрядов. [Текст] / А. ван Геннеп. М.: Издательская фирма «Восточная литература». РАН, 1999. 198 с.

3. Львов, Д.В. Архетипическая составляющая организационной культуры: Дисс. ... канд. филос. наук. [Текст] / Д.В. Львов. Красноярск, 2012. 145 с.

4. Fukuyama, F. The end of history and the last man. [Текст] / F. Fukuyama. New York: The Free Press, 1992. 418 p.

5. Gritskov, Y.V. Interaction of In-Group Archetypes and Hierarchy while Forming in-Group Community // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. [Текст] / Y.V. Gritskov, D.V. Lvov. 2015. № 11. P. 2325–2330.

References

1. Brested D., Turaev B. (2003) Istorija Drevnego Egipta, Moscow, Harvest, 832 p. [in Rus].

2. Gennep A., van (1999) Obrjady perehoda. Sistematicheskoe izuchenie obrjadov, Moscow, Izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» RAN, 198 p. [in Rus].

3. L'vov D.V. (2012) Arhetipicheskaja sostavljajushhaja organizacionnoj kul'tury: Diss. ... kand. filos. nauk, Krasnoyarsk,145 p. [in Rus].

4. Fukuyama F. (1992) The end of history and the last man. New York, The Free Press, 418 p. [in Eng].

5. Gritskov Y.V., Lvov D.V. (2015) *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* No. 11, Krasnoyarsk, Siberian Federal University, pp. 2325–2330 [in Eng].

UDC 316.322

ARCHETYPICAL BACKGROUNDS OF POWER LEGITIMACY

Gritskov Yuriy Viktorovich,
Siberian Federal University,
Professor of the Department Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor,
Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: grickov50@mail.ru

Lvov Denis Vladimirovich,
Siberian Federal University,
Associate Professor of the Department Chair of Sociology,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Krasnoyarsk, Russia.
E-mail: devlal@mail.ru

Annotation
The phenomenon of power is discussed from the viewpoint of archetypical approach. The authors show interrelations between the symbolic description of power and its archetypical backgrounds. The authors consider mechanisms of power legitimacy basing on archetypes of hierarchy and corporativity.

Key concepts:
archetype,
power,
legitimacy,
hierarchy,
corporativity.